

КАРАБИХА

ЕСЛИ ехать из Москвы в Ярославль по шоссе, закружится голова от лесных холмов. Дорога не устает то взлетать вверх, и тогда на десятки километров видны еловые черно-зеленые дали, то падать вниз, перепрыгивая через речки и ручьи. И уже перед Ярославлем, на вершине самого высокого «девятого вала» вы увидите чуть влево от дороги белые легкие здания в окружении вековых деревьев. Это Карабиха, музей-усадьба Николая Алексеевича Некрасова.

Скоро здесь состоится традиционный некрасовский праздник поэзии, когда сюда съедутся люди со всей страны. В обычный день мы проходим под каменной аркой карабихских ворот, идем по дорожке к флигелю... Три ступеньки — крылечко, входная дверь, безразмерные тапочки — на ноги, крутая лестница на второй этаж, и... «Здравствуйте, Николай Алексеевич!» Впрочем, уже почти 105 лет прошло с той поры, когда был он здесь в последний раз. 105 лет прошло, а все так же сияет паркет, уютен полумрак гостиной, глубокое кресло ждет хозяина, чучела огромных птиц — лесные трофеи — напоминают о его страстном увлечении охотой... Хочется сказать: здесь все, как при Некрасове, все, как век тому назад, — овесть вечная память.

По музею-усадьбе нас водит Анатолий Федорович Тарасов, более тридцати лет бывший здесь директором. Надо бы сказать: влюбленным директором. Влюбленным в поэзию Некрасова, в эти живописнейшие холмы, в свое дело, которому посвятил жизнь. Рассказывать он умеет и любит. И мы постарались дословно записать все его рассказы.

— Приехал я сюда первого августа 1947 года, — вспоминает Анатолий Федорович. — А до того был фронт. Ленинградский университет, увлечение литературой. Главное здание усадьбы занимал детский дом — дети-дошколята жили. Флигель, в котором творил Некрасов, во время войны пострадал от пожара — камин затопили, а он оказался неисправным. Загорелась и обвалилась крыша. Так дом и стоял, дождь внутрь попадал, стены стали разваливаться. А в остальных зданиях усадьбы располагался совхоз «Бурлаки», созданный еще в 20-е годы. Ограды, конечно, никакой не было — ходили через парк. Перед главным домом на лужайке, там, где Некрасов впервые читал поэму «Русские женщины», гряды были разбиты. Окна — и тут, и там — фанерой заколочены... Время такое — послевоенное. Лихое.

Начинали, можно сказать, с нуля. Хотя, если сравнивать с пушкинским Михайловским, где

фашисты все дотла сожгли, нам еще очень повезло, ведь здания сохранились подлинными, те, что «помнили» Некрасова.

В 1949 ГОДУ музей уже принял первых посетителей. А мы перешли во флигель — тот самый погоревший, но самый для нас дорогой. Ведь именно в нем жил и работал многие годы Некрасов. Начали с того, что стянули металлическим поясом стены, чтобы не рассыпались.

Во флигеле был дубовый паркет. Пожар не все уничтожил, в углах кое-где паркетные дощечки остались и основание под паркет — тоже. Министерство лесного хозяйства прислало по нашей просьбе целую платформу дуба. А фабрика имени 1 Мая слесарила нам из этого дуба по старым образцам паркет. Лучшие мастера настлали его.

Труднее получилось с обоями. По воспоминаниям современников мы знали, что комнаты во флигеле были оклеены обоями: в большом зале — белыми с золотом, в кабинете — полосатыми. Но ни одного клочка не дошло до нас.

Работала после войны с нами Сатаник Ивановна Великанова. Она прекрасно знала свое дело — еще в молодости прошла школу Русского музея. Так вот она объездила музеи Москвы, Ленинграда и других городов, изучила картины некрасовской поры, а особенно портреты поэта. Не захватил ли художник и обои на стене? Чуть что встретит — срисовывала себе в альбом, а потом выбирали, прикидывали эскизы возможных обоев.

Поехали в Москву, а там, на наше счастье, нашелся бывалый старичок — погодите, говорит, мудрить, посмотрите среди образцов. Наложил нам этих образцов с горю — со всех обоевых фабрик. Листали-листали, искали-искали и нашли рисунки, очень похожие на те, которые мы себе представляли. Стали разбираться. Оказывается, это образцы старинной московской обоевой фабрики. Пошли туда. «Сохранились валы с такими рисунками?» — спрашиваем. — «Сохранились-то — сохранились, да уже нету их». — «Как так?» Оказывается, во время войны фашисты разрушили обоевые фабрики в Минске и Боровичах. Когда стали их восстанавливать, москвичи в виде помощи послали часть своих валов и той, и другой. В том числе и эти «некрасовские». И вы знаете, Минск быстро откликнулся. Приходит вскоре нам оттуда письмо с обоями, а в ней письмо. Директор фабрики сообщает: работали в нерабочее время на сэкономленных материалах и посылаем бесплатно как маленький вклад белорусского народа в дело восстановления музея Некрасова. Вы только представьте: в

те годы Минск сам-то в развалинах был... И такой подарок!

Флигель восстановили, паркет настлали, обои наклеили — теперь дело за мебелью. К счастью для нас, в 1918 году при национализации усадьбы наиболее ценная некрасовская мебель была вывезена в Ярославль, в краеведческий музей. Мы ее вернули. Часть у наследников оказалась — выкупили. В соседней деревушке нашли комод, говорят, некрасовский. Как проверить? Пригласили племянницу Некрасова Веру Федоровну. Посмотрела она, подтвердила: наш комод, только он не во флигеле стоял, а в большом доме. Если «наш», возем в усадьбу, на прежнее место. А мебель вся старая — где угол отбит, где ножка сломана. Надо ремонтировать... Работал тогда в Ярославле, в Волковском театре, интересный человек Эрнест Христианович Ершевич, латыш-краснодеревщик. В театре он любую мебель делал — хоть для сцены, хоть вешалку в гардероб. Оказался он рыбаком замечательным. А у нас тут река внизу течет — Которосль. Я пригласил его в Карабиху порыбачить. Он и в отпуск приезжал, рыбки половит — и креслами, столами, шкафами займется. Все привел в полный порядок, руки-то золотые!

А книги как собирали! Вся страна помогала. В начале века была составлена опись некрасовской библиотеки. Мы задались целью все восстановить, хотя бы в дубликатах. И Пушкинский дом помог, и Ленинская библиотека. Откуда только книжки и журналы не шли! Все комплекты «Современника» и «Отечественных записок», которые редактировал Некрасов, теперь в музее есть. Конечно, здорово выручали нас букинисты. Был, например, в Ярославле Абрисим Сергеевич Наумов. Обо всем, что к нему поступало, сообщал прежде всего нам, звонил: «Анатолий Федорович, вот какую книгу принесли, посмотрите, не нужна ли Карабихе?» Через него мы много литературы приобрели. А одну книжку никак не могли найти. Оказалось, что в Советском Союзе ее нет. Книжка эта — перевод стихов Некрасова на чешский язык, сделанный в 70-е годы прошлого века. Ее тогда переводчик Николаю Алексеевичу в подарок прислал. Скажу к слову, что Некрасов первым из русских поэтов еще при жизни, в 1872 году, был избран почетным членом чешского художественного общества «Умелецка беседа». Написали мы в Чехословакию. Академия наук ответила: книга сохранилась только в одном экземпляре, выслать не можем. Но прислали нам фотокопии всех страниц этого редчайшего издания.

О КАЖДОМ, наверное, экспонате нашего музея можно рассказать прелюбопытную историю. Вот возьмите хотя бы это ружье — бельгийское, 60-х годов прошлого века... Приехали к нам однажды пионеры из Ростовского района. Посмотрели музей, собрались уходить, а кто-то из них и говорит: «У нас в деревне Макарово некрасовское ружье есть». — «У ко-

лужайки, группы деревьев, дорожки. Интересная деталь. Решили мы дорожки проложить там, где они сто лет назад были. А как это сделать? Все заросло травой. Спросили Веру Федоровну, племянницу: «Вы помните, где дорожки были?» — «Помню». И повела нас по парку. Мы идем за ней, колышки вбиваем. А потом подумали: «А вдруг ее память подводит?» Ушла она, а мы принялись копать. И везде, где забыты были колышки, обнаружил на небольшой глубине щебенку старых дорожек.

А вообще, за парк всерьез

го?» — «У Осорина». Запомнил я это и во время отпуска поехал в Макарово, нашел Осорина. Он оказался внуком того, с кем Некрасов охотился вокруг озера Неро и у которого он то ли оставил, то ли подарил ему два ружья. Спрашиваю про ружье, а седовласый внук Осорин отвечает: «Эхма, хватились. Еще в 30-е годы одно милиция отобрала. А второе ружье мы продали в 80-е в ту деревню, в Бакланово — ветеринару». Прихожу к ветеринару, спрашиваю: «Покупал ружье?» «Покупал, — отвечает, — да на собаку променял. К Мокееву иди, в Осиновку». Разыскал дом Мокеева, действительно, ружье у него. Бельгийский выделки, центрального боя. А он даже и не подозревал, что некрасовское. Ну, купили ему новую «тулку», обменяли. А это ружье у нас висит...

Вы, конечно, заметили: растут вокруг усадьбы деревья. Это старинный парк — нижний и верхний. Верхний в войну очень пострадал. Мы своими руками приносили из леса березы и сажали их на месте погибших. С тех пор они уже подросли и сейчас в том возрасте, как и при Некрасове. А нижний парк разбит был по типу английских —

взялся московский «Лесопроект». Специалисты работали у нас два года. Составили перечень всех деревьев, на каждое «некрасовское» завели паспорт, а в нем возраст указан, недуги и рецепты — что с ним делать, как поливать, как сохранять. Разработан проект восстановления парка в том виде, в каком он был при Некрасове. А в конце парка и летом, и зимой вновь журчит веселый ручеек — Гремиха. Так было и тогда. Восстановили верхний пруд, ключи почистили, плотину сделали, и ручеек ожил, заговорил...

Слушать Анатолия Федоровича можно бесконечно. Он знает здесь, кажется, историю каждого кустика, каждой мелочи. Это любовное отношение к Карабихе чувствуют и посетители (их уже побывало здесь более миллиона), заполняя страницы книги отзывов словами благодарности: «Спасибо за то, что так бережно хранится память о великом русском поэте».

Р. АРМЕЕВ,

В. КОЗЛОВ,

спец. корр. «Известий».

ЯРОСЛАВСКАЯ ОБЛАСТЬ.

НА СНИМКЕ: Карабиха, главное здание музея-усадьбы Н. А. Некрасова.